

A detailed oil painting of a young woman with long, wavy, light blonde hair. She has striking green eyes and a soft, neutral expression. She is wearing a white, off-the-shoulder blouse with puffed sleeves and a dark, corset-style bodice. A simple necklace with a small cross pendant is visible. The background is dark and textured, suggesting an interior setting with various objects like a still life on a table to the left. The overall style is realistic and detailed.

Владимир Муравьев

Натурщица
и
художник.

Владимир Муравьев

Натурщица и художник

<https://litres.ru/74004439>

SelfPub; 2026

Аннотация

Художник заметив в мальчонке интерес к живописи, забирает его из семьи. Взрослея Андре не только постигает ремесло, но и проявляет талант особенно в жанре "ню". После смерти наставника судьба даёт ему шанс стать знаменитым. Молодой художник должен нарисовать иллюстрации к "кама сутра", книга попала в Европу и интерес к ней растет. До этого обнажённое женское тело, для него было лишь натура. Теперь ему нужно найти непростую натурщицу и...

И нарисовать все известные к тому времени шестьдесят шесть позиций описанных в книге.

А натурщица окажется и впрямь непростой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2.	14
Глава 3.	23
Глава 4.	28
Глава 5.	34
Глава 6.	41
Глава 7.	47
Глава 8.	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Владимир Муравьев

Натурщица и художник

Пролог

Небольшой портовый город в Европе готовился к празднику моряков. Он проходил ежегодно в порту и своё начало брал аж из средних веков. В связи с этим литературное общество объявило конкурс на лучший роман о городе. Молодой автор Андре был среди начинающих и не сразу понял условия конкурса, долго сам с собой рассуждал, в итоге решил позвонить в редакцию. Ему ответила девушка очень приятным голосом и на его вопрос предложила встречу в кафе «Ла Доме», она обычно обедает там и сейчас у неё как раз наступил перерыв.

- А-а, – только хотел спросить, как он её узнает.

- Вы сразу меня узнаете, я буду в чёрном платье, до встречи, – и разговор прервался.

Андре поспешил к месту встречи. Ему не хотелось, чтобы девушке пришлось ожидать. На центральной улице среди множества летних кафе он отыскал название «Ла Доме». Посетителей было не много, он выбрал удобное место чтобы видеть всех проходящих и удобно устроился в кресле. Вскоре, с другой стороны, дороги появилась девушка в черном пла-

ть. Свободный покрой, расклешённая длинная юбка подчеркнули её достоинства пышной формы. Открытые плечи перехлестнули две тоненькие бретели и смотрелись весьма изящно. Чёрные босоножки на тонких ремнях и с небольшим каблуком, придали её походке большую грациозность. Андре встал, привлекая к себе внимание и сделал шаг ей навстречу. Девушка словно бабочка впорхнула под летний навес кафе.

- Софи, – она протянула ему нежную руку, обнажённую от плеча.

Андре взял в свою руку её ладонь и замер:

- Что-то не так? – заметив, что он замялся.

- Жаль, что я не художник. Такие руки просятся, чтобы их рисовали.

Софи кокетливо чуть склонила голову:

- Получается мне остаётся жалеть, что я не натурщица?

После того как они познакомились Софи объяснила Андре, что город не фон и не место действия – это образ. Она перечислила древний замок, старинную площадь, на которой собор, не забыла о празднике, проходящем в порту, и сравнила с тем, что их окружает сейчас.

Андре больше смотрел на нее, нежели слушал, поэтому переспросил спохватившись:

- А как город может влиять на судьбы людей?

Софи улыбнулась, на её пухлых щёчках прорезались ямочки. Глаза заблестели и в следующую секунду схватив

Андре за руку, потащила его за собой. По дороге вела рассказ, как много сменилось здесь поколений людей и город рос вместе с ними, изменяя свой облик. А когда подошли к каналу, что разделяет их город посередине, поднялись на мост:

- Посмотри на ограду.

- Всюду замки, – с недоумением ответил Андре.

- Молодожены, соединив две судьбы, сомкнули замком их на городском мосту. Теперь понимаешь?

- Кажется да, – неуверенно он ответил.

- А теперь попробуй, представь и сравни, где и как встречались влюблённые прежде и сейчас.

- Кстати ты был в новой гостинице?

- Нет, да и зачем у меня есть квартира.

Как будто в припрыжку Софи спустилась с моста и с хитрой улыбкой подошла к самокатам, Андре не замедлил за ней последовать. С ветерком доехали до гостиницы. Будто опасаясь, что опоздает девушка быстро направилась к входной двери. По путно она оглянулась, не то проверить не отстал ли Андре, не то заманивая его улыбкой. В холле светло, отделка вся в современном стиле и веяло едва заметным ароматом. Софи подошла к портье и попросив номер для новобранцев, что-то добавила шёпотом. Мужчина в строгом костюме кивнул и выдал ей ключ. Лифт поднимал их на пятый этаж, отражение Софи от зеркал на стенах как бы окружили Андре. Он вдруг почувствовал что-то волнительное.

Наконец лифт затормозил и остановился. В длинном коридоре куда они вышли всего лишь две двери, справа и слева, свет приглушённый. Софи повернула направо Андре за ней, перед дверью она развернулась в пол-оборота и загадочно посмотрела. Ключ лязгнул в замочной скважине, после чего дверь бесшумно открылась. Они вошли в номер:

- В твоей квартире можно найти такое? – вопрос был не с упреком, а скорее с намеком.

Андре свистнул от удивления:

- Ничего себе! – отделка и обстановка его действительно поразила.

В середине зала большая кровать красовалась как подиум. Подушек много, уложены полумесяцем, стены в цветах, справа большая джакузи. Обведя взглядом апартаменты, Андре перевёл взор на Софи, её откровенные голубые глаза съедали его. Он молча положил ей руки на талию, она положила ему на плечи. На фоне большого окна сквозь которое проникали солнечные лучи было видно лишь их силуэты, остальное залил яркий свет. На силуэтах отделилась одежда и...

И на следующий день Андре написал название романа.

«Натурщица и художник»

Глава 1

Технический прогресс 19 века изменил устоявшийся образ жизни городов Европы не только в технике и строительстве. Разносторонние научные труды появлялись в различных областях деятельности человека, в некоторых странах начали издавать учения восточных мудрецов. Резкий отказ от прежних традиций принёс изменения во всех областях жизни, появились признаки нового общественного устройства городов. Мораль становилась свободнее, а взгляды смелее. Каждый проводил свой досуг по-своему, как днем, так и ночью кто-то стал посещать новомодные заведения, а кто-то по-прежнему спал, и видел различные сны, эротические в том числе...

«Молодая девушка с лёгким румянцем на щеках смотрит на него приветливым взглядом. Его рука осторожно касается её нежной щёчки и медленно соскальзывает вниз, едва заметные как бы массирующие движения пальцев ласкают лебединую шею, и крепкая тёплая ладонь ложится на плечо. Девушка наклоняет голову и мягкой как у ребёнка щекой, ласкает руку мужчины стараясь её задержать, рука же скользит далее по плечу. Плавное движение руки задерживается на белоснежной девственной груди. Голова девушки, остаётся наклонена в сторону плеча, у неё нежный приветливый взгляд и милые приятные черты лица: темные брови, прямой

правильный нос, алые губы и волнистые длинные волосы».

У молодого художника в жизни был небольшой период, когда наблюдал виденья подобного рода. Они часто его посещали во сне, но не являлись для него платонической страстью, в них он старался увидеть образ для новой картины. В эротических снах его профессиональный взгляд пытался рассмотреть, а память запомнить все идеальные формы женского тела. Он любил и неплохо умел изображать обнажённую натуру. В его картинах очень точно передавались все тонкости женского тела. Почти все его работы отличались необычно выбранной композицией, ему удавалось выполнить изображение так, что взгляд как бы ложился под другим углом. Сделанный выбор создавать картины предпочтительно в жанре «Ню» был не случайным для молодого художника. В них он мог выражать хрупкость и торжество естественной красоты в окружении бытия и природы существующего мира. И для этого ему приходилось много ходить по городу, примечая все новшества и изменения. А вот близлежащее окружение почти не менялось, там он бродил в поисках живописного места. Конечно же, это была не единственная цель всех его походов, образ женщин в разных ситуациях вот, что чаще его привлекало: работа в поле, торговка за прилавком, с ведром возле источника. В набросках он фиксировал положение тела, необычное положение рук, это помогало ему создать более оживлённые образы на картинах.

Путёвку в мир живописи молодой художник получил с

благословения своего наставника незадолго до того, как он ушёл в мир иной. Да, Андре так звали молодого таланта, не заканчивал академию художеств. Он был обычный мальчик из бедной семьи и родителям, чтобы прокормить младших его сестер и братьев пришлось отдать его в услужение старому художнику, которому как раз требовался помощник. Деревенскому мальчику пришлось проделать неблизкий путь к новому месту, где он будет жить. Пришлось привыкать не только к чужому дому, но и к городскому быту вдали от родителей и быть мальчиком на побегушках. Это было совсем не просто, но он старался найти интерес в работе, которую ему поручали. А точнее интерес проявлялся в большей степени, когда приходилось работать в мастерской. Работа там мало чем отличалась от обязательной в доме. Ему приходилось мыть пол, испачканный краской, перебирать пыльные холсты и прочее, а за лишнее любопытство иногда получал подзатыльник.

Художник человек был не злой в меру строгий и требовал соблюдать творческий беспорядок. А вот всем, кто видел его мастерскую беспорядок не доставлял удовольствия. Наказание за отступление от устоявшегося порядка не останавливало мальчика. Его тяга к искусству была сильнее, картины, глиняные статуэтки людей и зверей, он мог рассматривать по долгу, это ему нравилось и забавляло. Со временем работа в мастерской стала его основным занятием. Обязанностей прибавилось, но помогая во всём, Андре познавал сек-

рет приготовления красок, научился прибивать холст к рамке, а затем обрабатывать его грунтом и маслом. Время шло, мальчик вырослел, ему нравилось осваивать ремесло художника. С большим интересом он стал наблюдать, за тем как рисует старый мастер. Тот тоже заметил его заинтересованность и не только позволял подолгу за ним наблюдать, но и стал обучать его, как правильно смешивать краски, чтобы получить нужный цвет. В обучении Андре проявлял сообразительность и хорошую память поэтому, когда мастер стал обучать его грамоте, эта наука давалась ему легко.

Однажды, когда художника не было в мастерской, Андре по обыкновению наводил порядок, собираясь почистить палитру (доска для смешивания красок), он заметил, что краски на ней ещё не засохли. Убедившись, что художника нет по близости, он взял кисть и попробовал сделать несколько мазков, как делает это мастер. Ему показалось, что у него получается и он решил изобразить на дощечке простой цветок. Используя оставшуюся краску, мальчик так увлекся работой, что не заметил, как вошёл художник. Увидев своего помощника, рисующего красками, мастер остановился и стал терпеливо наблюдать, что у него получится. Андре старался изо всех сил, иногда его язык высовывался и повторял движение кисти, при этом он то наклонялся к рисунку, то отдалялся. Наконец мальчик поднял кисть и отодвинулся, чтобы оценить свой труд.

«Для первого раза очень неплохо», — прохрипел худож-

ник и рассмотрел рисунок, чуть наклонившись.

Андре вздрогнул и быстро встал сделав шаг в сторону, приготовился к наказанию, но мастер молча смотрел то на рисунок, то на юное дарование.

«Хочешь научиться рисовать?» – и взглянул с недоверчивым взглядом.

Не ожидая такого от своего хозяина Андре даже не знал, что ответить, он только робко и едва заметно кивал в знак согласия. Первые мазки сделанные своей рукой зажгли в нём желание рисовать. Но к краскам художник его не допустил, он дал карандаш и кусок картона. Оглядевшись по сторонам, мастер взял большую фигурную вазу и поставив её на стол. Это и был объект, который нужно было зарисовать. Так уже более интересно стали проходить его юношеские годы. Мастеру оставалось лишь удивляться, как легко выполнял Андре графические рисунки. Вскоре в мастерской ни осталось предметов, которые он не рисовал. А когда Андре повзрослел, у него появились приоритеты, больше всего ему нравилось изображать людей. Он прорисовал все статуэтки, что были тогда в мастерской. Мастер не переставал удивляться, как легко давалось ему обучение и как быстро росло его мастерство. Но взросление одного всегда означает старение другого. Весь свой долгий творческий путь художник был мастером романтизма, он не увлекался жанром «Ню», но всё же на исходе своих дней ему пришлось изменить свои привычки и взгляды. В живописи, художники иногда обраща-

лись к новым приёмам и создавали иные направления, но это не всегда была их заслуга. Неумолимый бег времени, оставляя позади дистанции одна за другой, без поворотно изменял всё вокруг: облик земли, городов, привычки людей.

За последнее время некогда не большой город сильно изменился и не только в размерах. В городской среде особенно в её высших слоях набирала популярность книга, завезённая с востока. Учение долго преследовала церковь по всей Европе, не давая распространяться. Но время решило вопрос по-своему, тогда ещё редкая и малоизученная книга, которая называлась, не очень понятно «кама сутра», сильно изменила взгляды людей (в том числе спрос) на живопись в жанре «Ню» обнажённая натура.

Каждый день ранним утром художник стал уходить, никогда не предупреждал и возвращался иногда только к обеду, но всегда приходил недовольный и что-то сердито бормотал. По обрывкам малопонятных фраз Андре с трудом разобрал, что он никак не может кого-то найти. Так продолжалось несколько дней подряд.

Глава 2.

Каблучки стареньких ботинок ритмично и звонко стучат по булыжной дорожке, ведущей к дому художника. Осматривая жилище по обеим сторонам, в поисках таблички с названием улицы, молодая девица в ярко-оранжевом платье бодро шагает вдоль каменных и деревянных зданий, построенных вплотную друг к другу. На знатную даму девушка не похожа, но и жителем бедных районов тоже не назовёшь. Больше всего она походила на само занятую девицу, беззаботно гуляющую по неизвестным ей кварталам. Узкая улочка на окраине города мало чем отличается от других, однако строения вдоль мостовой подходят под то описание, как ей объяснили. Она останавливается перед входом одного из домов, на ступенях которого молодой человек сметает мусор. Ещё раз осматривает близлежащие дома сравнивающим взглядом, у неё рождается предположение:

- Кажется, мне сюда. Как называется эта улица? – негромко спросила.
- Юшет, – не отрываясь от работы ответил.
- Этот дом художника, – а теперь её голос прозвучал как колокольчик.
- Да, – наконец оставив свою работу, ответил молодой человек.
- Мне сказали, у него есть для меня работа, – прозвучало

уверенно.

Андре пожимая плечами, открыл перед ней дверь, приглашая войти внутрь. Весело взирая на молодого человека, она смело шагнула на порог и далее в дом. Он вошёл сразу за ней и показывая рукой попросил пройти её в мастерскую. Ничего не ответив лишь бросив короткий взгляд на его руку, девушка прошла в указанном направлении. Недоумевая, кто она и зачем пришла, Андре остался на месте и наблюдал за гостьей. Художник работал над очередной картиной и заметил её не сразу. Девушка осторожно вошла, повертев головой вправо и влево, осмотрела видимо непривычную для неё обстановку.

- Наконец-то, – прохрипел, заметив её художник, и тут же оторвался от мольберта.

- Как тебя зовут, – сразу добавил он.

- Софи.

Старый мастер первым делом попросил показать руки. Девушка поспешно сняла сильно потрёпанные перчатки, и быстро сунув их в карман, протянула на осмотр художнику руки. Удовлетворённый нежностью кожи он довольно кивнул и сказал ей, чтобы приходила рано утром. Так она получила работу натурщицы и появлялась в мастерской каждый день. Первые несколько дней, когда она уставала сидеть в одном положении, художник разрешал ей ходить по мастерской. Всегда молчаливый и занят только своим делом мастер на удивление много и охотно с ней разговаривал. Беседуя с

Софи по ходу работы, узнал, что она актриса в маленьком театре, и достаются ей лишь эпизодические роли, за которые мало и редко платят, поэтому соглашалась на любые предложения, где можно было ей подработать. Плата натурщице была даже меньше чем в театре, но она приходила регулярно потому, что платили за каждый день.

Больше всего ей нравилось позировать лежа, художник разрешал поворачиваться, менять положение и постоянно восхищался её бархатистой кожей. Для себя Андре, также отметил приятную внешность девушки и не только лицом, её форма тела была идеальна, а пропорции даже лучше, чем на тех статуэтках, что он рисовал. И конечно с живой натуры рисовать было гораздо приятней. Софи была современной девушкой и не только в общении, её поведение без комплексов не создавало проблем, когда нужно было оголеть свое тело. Почти в непрерывных разговорах она не всегда была скромна, любила сострить и задавая много вопросов. Иногда позволяла себе некоторые безобидные шалости. Её любопытство оживляло тишину мастерской, звонкий почти детский голос не отвлекал от работы, а создавал более насыщенную атмосферу. Примерно, как летом в лесу, когда птицы поют.

На деревянной кушетке покрытой только старым покрывалом и подушкой набитой соломой она однажды заснула. В мастерской вновь воцарилась тишина и стала давить на уши, лишь старый мастер изредка кряхтел, разрезая её. Андре да-

же оторвался от работы и любовался спящей Софи. Она лежала не совсем на спине, одна нога наброшена на другую и всё тело получилось повернуто в пол оборота к художникам. Бедра были накрыты яркой тканью, груди едва прикрывала очень короткая блузка без рукавов, шнуровка которой была сильно распушена, и ложбинка между грудей подчёркнутая тенью красиво смотрелась. Голова девушки свернулась на одну сторону, и подбородком она упёрлась в плечо, на щеках загорелся яркий румянец. Столь соблазнительная натура прекрасной девы могла повергнуть в порыв сладострастия любого мужчину. Но для Андре безупречная девственная красота всего лишь просилась, что бы её перенесли на полотно. Он неоднократно рисовал обнажённые глиняные фигурки и сейчас, перед ним была вовсе не женщина, а просто её тело. Поэтому соблазн не мучил его, он точным и зорким взглядом художника старался уловить линии контура тела и самое главное тени.

В первых своих работах Андре писал её образ, так как она позировала, поэтому изображение на его полотне мало чем отличалось от работы его учителя.

«Хорошо, но не надо повторять то, что видишь, импровизируй и меняй образы», – без каких-либо эмоций сделал замечание художник, посмотрев на работу Андре.

Желание добавить что-то своё давно горело внутри у него, в большей степени к этому его подталкивало свободное поведение Софи, она часто поворачивалась, меняя положение

тела, и он это всё подмечал, а наставление мастера придало ему твёрдой решимости. И вот однажды он улавливал и фиксировал каждое новое положение натурщицы на протяжении дня. Сделал много набросков и на холсте объединил в один образ, в итоге художник похвалил его работу. Картина, выполненная учеником, сильно отличалась от работы мастера, несмотря на то, что они рисовали с одной натуры, Софи просто сидела на стуле, прикрыв всё, что ниже пояса тканью. Андре увидел её по-другому. В его картине образ девушки был обнажённый, она сидела на полу, поджав одну ногу под себя, а другая стояла перед ней согнутая в колене. Девушка держалась за колено двумя руками, чуть отклонившись назад, в этом положении её груди, получились немного сжаты и это у Андре, отобразилось особенно хорошо. Почти всегда молчаливый и скупой на похвалу мастер внимательно рассматривал работу ученика.

«Определённо у тебя есть талант, особенно в этом жанре», – эта оценка как оказалось, и определила дальнейший путь Андре в мир живописи.

Похвальные слова мастера вызвали интерес у Софи, с нескрываемым любопытством она подошла к мольберту Андре, прикрывая наготу лёгкой тканью. Обнажённым плечом она слегка, но бесцеремонно отстранила молодого художника от мольберта, и на её лице появилось лёгкое удивление. Рассматривая себя на картине, у неё всё чётче проявлялась улыбка. Чуть-чуть закусив нижнюю губу, она перевела на

Андре загадочный взгляд. В этот раз он и сам был доволен своей работой более чем обычно, поэтому не заметил что-то означающий взгляд Софи. Взглянув на своё бедро и вновь на картину:

- По-моему там оно толще, – это был не упрёк, в тоне голоса чувствовалось озорство.

- Это же художественный образ, я могу его слегка изменять, – стараясь её не обидеть, оправдывался Андре.

В последующие дни она всё больше уделяла ему внимание, но он по-прежнему мало отвлекался от работы. Однажды позируя сидя на кушетке, она попросила разрешения прилечь. Мастер не разрешил, тихо пробормотав что-то про себя. Софи всё же поднялась: «Я устала» – и сделала несколько шагов по мастерской.

«А знаете, почему я устала?» – глядя на Андре задала вопрос.

И не дождавшись ответа, добавила: «У меня появился поклонник, и мы гуляли с ним допоздна».

Этой выдумкой она надеялась привлечь внимание молодого художника, к сожалению, уловка не удалась. Софи уже начинала злиться, все её старания привлечь к себе внимание не имели успеха, но случай всё решил сам собой. На следующий день в мастерской Софи застала только Андре, он прикреплял холсты к рамкам.

- Почему нет мастера, – оглядев мастерскую, поинтересовалась она.

- Он куда-то ушёл и сказал, что сегодня работать не будет.

Софи прислонилась к стене и смотрела, как он работает, Андре на неё не смотрел. И в этот момент она почему-то спросила себя, что он чувствовал, когда смотрел на моё обнажённое тело, предположения у неё не появилось. Зато появился ответ, когда я им позировала, у меня не было никаких ощущений, возможно, и он не чувствовал ничего. Ей стало обидно и хотелось, чтоб он обратил на неё внимание, из театральных сцен она знала, что женщина может привлечь мужчину к себе поцелуем. И решила попробовать на Андре, но не знала с чего начать. Подойдя вплотную к молодому художнику, может быть, нужно было его обнять, но она только спросила:

- Наверное, ты тоже станешь хорошим художником? – голос её звучал не как обычно, а тихо и даже робко.

- Не знаю, – при этом Андре поёжил плечами.

- Ты добьёшься успеха, твои картины будут висеть в самых богатых домах, – продолжала немного задумчиво.

- У тебя появятся поклонницы твоего таланта, – сделав паузу, добавила, – и много красивых натурщиц.

Её слова прозвучали, как будто она сожалела, что её там не будет. Андре отложил рамку, с которой работал и посмотрел на Софи, их взгляды встретились. Она медленно поднялась на носочки и едва коснувшись, поцеловала его. Этот поцелуй от девушки подарил новое, неизвестное ощущение которое он ещё не испытывал. Из прочих женщин, ранее цело-

вавших его, была только мама. Теперь перед ним стояла Софи, подняв голову, и не отводила взгляд. Сейчас он особенно отчётливо мог разглядеть каждую чётточку её лица, но чувство, открывшее ему что-то неизвестное доселе, не позволяло сконцентрироваться. Неожиданно в дом вошёл мастер, брошенный на них короткий взгляд, выражал сожаление и обиду. Он сразу ушёл в глубину комнаты и там сел на свою кровать.

- По-моему что-то случилось, я никогда не видел его таким, – Андре оставил Софи, и направился к нему.

Он сидел на кровати, опустив голову, его состояние походило на портового грузчика измученного непосильной работой. Мастер взглянул на ученика с тоскливым выражением и грустно кивая, сказал:

- Мне тоже не хочется с ней расставаться. Но мы больше не сможем оплачивать её услуги, – измученным голосом говорил каждое слово.

В дальнейшей его исповеди прозвучало, как он жалеет, что ранее не замечал изменений, происходящих вокруг него, и как поздно обратился к другому направлению в живописи. В результате от него отказались почти все покупатели, спрос на предыдущие его работы резко упал. Следовательно, им придётся отказаться от услуг натурщицы. Расходы на неё нечем было покрывать, отсутствие заказов и бедность не оставили им выбора. Софи не пошла в комнату, где был мастер, она осталась у входа и притаилась за дверным косяком,

этого оказалось достаточно, чтобы разборчиво всё услышать. С огорчением и огромной тяжестью на душе она вышла. Ей нравилось работать натурщицей у них, но делать это бесплатно она тоже не могла себе позволить, с того дня Софи больше не появлялась в их мастерской, там стало вновь тихо, как и прежде. Но несмотря на короткое время её работы она успела оставить о себе память. Пусть не все картины были закончены, но те, что были готовы, смотрелись великолепно. Андре грустил и часто её вспоминал, иногда Софи возвращалась к нему в его снах, тогда он по памяти делал наброски карандашом на дощечках или глиняных горшках. Чем дальше, тем хуже становилось их финансовое положение, они едва сводили концы с концами. Последний год жизни старый мастер не рисовал, а старался как можно больше передать знаний своему приемнику, он раскрывал ему все тонкости и тайные приёмы мастерства.

Глава 3.

Самостоятельная жизнь Андре началась внезапно. Художник скоропостижно скончался, а потому как он не был состоятельным человеком, оставил в наследство своему ученику всего несколько монет, которых едва хватило на погребение, и обветшалый дом, давно требующий ремонт. У молодого последователя старого мастера не было денег, но была не плохая мастерская и талант художника. Во многом это можно было назвать удачей для того времени, когда о восходящей заре фотографии даже ещё не все знали. Но в первые дни своей самостоятельной жизни Андре растерялся, он не понимал, где ему зарабатывать, чтобы оплатить теперь на него переложенные расходы. Наступившее одиночество не пугало его, жизнь с вечно занятым и молчаливым художником научила его заботиться о себе самому. И даже старая одежда, из которой он уже вырос, огорчала его сейчас менее чем отсутствие заработка, так как где его надо искать совсем непонятно. Иногда он бродил по узким улицам ставшего ему родным города, пока ещё сам не понимая, что искал. Скучные запасы крупы умершего художника почти закончились. И поэтому, когда Андре проходил по торговой площади возле старого замка, пусть ещё не голодным, но печальным взглядом смотрел на прилавки торгующих продуктами. Шумящая толпа и беспорядочное движение людей создава-

ли впечатление занятости каждого человека, и никто не замечал одного безработного, без дела, болтающегося в этой толпе.

Это была самая большая торговая площадь, если не считать рынок возле портового причала, где не только продавали разнообразную рыбу, но и ежедневно кипела работа по разгрузке и погрузке кораблей. К причалам круглосуточно подъезжали пустые и гружёные телеги, одни забирали груз, другие наоборот разгружались. Порт как место заработка был более понятен для Андре, какие рабочие там нужны, видно не вооружённым глазом. Мужики в оборванной одежде с утра и до вечера тысячу раз проделывали один и тот же маршрут, с пирса на корабль и обратно таская тяжёлый груз, тем самым зарабатывая гроши на пропитание. Иногда он приходил рано утром и наблюдал, кого нанимали из общей толпы безработных, в основном это были рослые крепкие мужики. С сожалением понимал, что ему с не богатырской фигурой там ничего делать.

Каждый день город и люди в нём жили своей жизнью. Никому из горожан не было дела до молодого художника, который бродил по узким улочкам в поисках неизвестно чего. А поиски осложнялись тем, что его руки знали, как управляться только с тряпкой для пола и кистью, но в этом было и преимущество, и то и другое он делал отлично. Возвращаясь теперь в свой старенький дом, он садился в мастерской, осматривал свои не многочисленные картины и не понимал,

что ему делать и как дальше жить. Последние дни жизни старого художника не приносили доход, и они жили, растрачивая его скромные сбережения, поэтому мастерская оскудела своими запасами для работы художника. Осталось лишь несколько не законченных холстов, которые можно было использовать для работы. Но даже если он начнёт рисовать, где и кому предложить картины Андре не знал и не мог представить. Рабочим в порту, торгующим рыбой, может быть морякам, которые сегодня здесь, а завтра там, они вряд ли нужны. Было желание выйти на рыночную площадь, где торгуют продуктами и предметами быта. Там он был уже много раз и ни никогда не видел, чтобы кто-либо продавал картины, да и смелости на такой шаг у него не хватало.

Однако судьба оказалась благосклонна к Андре, однажды в дверь постучал человек, он смотрелся не бедно, на нём был классический костюм и шляпа цилиндр. Его Андре ни разу не видел или не запомнил, видно он редко делал заказ и очень давно не появлялся. Поэтому и не знал о смерти старого мастера. Узнав неприятную новость, гость задумался, развернулся от дома и сделал шаг.

- Не хотите посмотреть оставшиеся картины художника, – Андре сам не понимал, как это у него вырвалось.

Человек остановился, и медленно развернувшись обратно, с подозрением осмотрел его с ног до головы, а затем кивнул и задумчиво добавил:

- Да, пожалуй, посмотрю.

Андре умолчал, что работы не старого мастера, а его и как оказалось, правильно сделал. Покупатель то и дело бросал недоверчивый взгляд:

- А ты кто, – вдруг он спросил, когда они вошли в мастерскую.

- Я с детства работал у художника в услужении, это всё, что от него осталось, – и развёл рукой, указывая на расставленные картины.

С холстов разного размера на них смотрела обнаженная и полуобнаженная девица в разных декорациях:

- Насколько я помню прежнего мастера, он не рисовал обнаженную натуру, – подметил покупатель.

- Вы правы, это стало его страстью лишь в последний год его жизни, – ответ Андре его убедил.

Несколько минут покупатель, смотрел выбирая, он часто переводил взгляд с одного полотна на другое, сердце Андре почти не билось, да и сам он стоял словно статуя без движений. Сейчас в нём боролся страх, что человек уйдет, ничего не купив и надежда, которая поддерживала его едва заметное дыхание. Господин не торопился с выбором и по его выражению, нельзя было понять нравится ли ему что-нибудь. Наконец мучительная пауза закончилась, господин взглянул на молодого художника с улыбкой:

- Я покупаю эту, – и показал пальцем на самую большую картину.

Сейчас Андре должен был ощутить чувство радости и об-

легчения, но он от неожиданности только кивал в знак согласия. Покупатель не торговался, достал две монеты и сунул в руку ему. Как для художника этого было ничтожно мало, но для грузчика в порту, это заработок за несколько дней. Он с трудом скрывал наступившую радость, которая переполняла молодого художника. Первая его картина понравилась и нашла своего покупателя. Но покупатель уходить не торопился, он ещё раз осмотрел оставшиеся картины и после того как буркнул что-то себе под нос, решительно вышел из дома.

Глава 4.

На следующий день Андре мог позволить себе купить недостающие краски и холст. Радость переполняла его, купив всё необходимое денег ещё немного осталось, недолго думая он решил побаловать себя свежим хлебом. Высоко задирая голову и бросая взгляд поверх толпы на торговой площади, он высмотрел место, где продают хлеб и другие продукты. Среди множества женщин торгующих вкусно пахнущей выпечкой из теста, ему понравилась зрелая дама. Её пышная комплекция издалека привлекала внимание. Крупные груди были высоко подпоясаны и распирали легкую блузку вовсе стороны. Казалось, что лёгкая ткань вот-вот лопнет под напором двух внушительных мячиков. Она не только интересно предлагала свой товар, но и встречала каждого покупателя приветливой улыбкой, её радостное выражение было столь искренне и заманчиво, что мало кто уходил без покупки. Разбрасывая призывы направо и влево, её пухлые щёки покрыл алый румянец. Руками она не только подавала товар, но и размахивая ими как мельница, заманивая народ. Андре невольно сожалел о том, что не захватил карандаш и кусок картона и дал себе зарок без них из дома не выходить. Он долго стоял на мете, стараясь как можно лучше запомнить черты её приветливого лица.

- Чего стесняешься, подходи и выбери что тебе по душе, –

так же как остальных добродушно и задорно она пригласила Андре.

Он выбрал небольшую булочку белого хлеба, поблагодарив расплатился. Сделав шаг в сторону, остановился, и набравшись смелости, повернулся обратно:

- Вы здесь торгуете каждый день? – робко спросил он.

- Да приходи ещё буду рада, – без изменения интонации в голосе ответила женщина.

Кивнув в ответ, Андре направился вдоль хлебных лотков, звонкий голос торговли было слышно ещё долго. После хлебных рядов торговая площадь упиралась в крепостные стены старого замка, вплотную к ней было устроено много крытых навесов, где торговали овощами. Далее начиналась широкая улица, там продавали мелкий товар с переносных лотков. Здесь можно было купить почти всё, что так или иначе может пригодиться в быту, начиная от иголки и до любого ручного инструмента. Чем ближе к выходу с площади, тем сильнее редет толпа и вот, Андре идёт по широкой улице, на обеих сторонах которой стоят каменные дома в два или три этажа. Он бывал здесь не часто, но каждый раз замечал, как обновляется это место. Теперь здесь почти в каждом доме на первом этаже размещается магазин, мастерская, либо другого рода заведение по оказанию услуг более состоятельным жителям города. Одна входная дверь имела красивую надпись «Сфинкс», навес над ней был выполнен в виде ладьи. Две обнажённые фигуры дев держались за её борт с

обеих сторон, казалось, они готовятся спрыгнуть. Выполненные скульптуры, выглядели очень натурально, и он решил это место запомнить, на случай если потребуется обнажённая натура. Ширина улицы позволяла разделить её на выступающий тротуар вдоль зданий и проезжую часть дороги. По ней в разных направлениях мчались конные экипажи и новый вид транспорта мотоколяски. Они смотрелись довольно причудливо, на задней оси больших колёс располагались два сиденья и мотор, который сильно тарахтел, пугая некоторых лошадей. А ещё сзади коляски из тонкой трубы валил сизый дым с отвратительным запахом. Управлялась эта штука одной ручкой похожей на кочергу, она торчала перед сидящими наездниками и с её помощью они поворачивали единственное колесо впереди коляски. Но в последнее время уже довольно нередко попадались более солидные экипажи, и исключительно только на таких широких улицах как эта. Такие тележки имели четыре колеса с резиновыми шинами, вместо торчащей из пола кочерги, был круглый руль, мотор впереди и закрыт железным корпусом, с обеих сторон которого висели два фонаря. Когда Андре доводилось видеть такое чудо техники, он всегда провожал взглядом быстро убегающую коляску.

В прекрасном расположении духа, бросая взгляд по обе стороны дороги, он прошёл большую улицу и повернул в жилой проулок, который выходил к более узкой дорожке, но тоже выложенной камнем, она и вела к его дому. Запах от толь-

ко что купленной булки разжигал аппетит, Андре еле сдерживался от желания съесть её прямо сейчас. Рука уже опустилась в сумку, когда впереди он заметил повозку. И чем ближе он подходил к дому, тем всё больше и больше убеждался, что конная тележка стоит возле его двери, рядом суетились два полисмена. Аппетит моментально куда-то пропал. Он прибавил шаг и когда подошёл в плотную, увидел, что два человека в полицейской форме прилаживают доски, чтобы заколотить входную дверь.

- Что вы делаете? Я здесь живу, – решительно крикнул Андре с возмущением.

Резкий оклик в тишине улицы заставил полисменов оглянуться, отложив доски в сторону, они повернулись к нарушителю тишины. Взгляд их был не очень доброжелательный:

- Утверждаешь, что ты здесь живешь, почему же закон нарушаешь, не платишь за дом и просрочил два срока, – грозно сказал один из них.

Они стояли в одинаковой позе, широко расставив ноги, и преграждали ему вход. Руки их были на поясе, одной оба держались за дубинку, которая висела у них на ремне с левой стороны. От грозного вида двух здоровяков Андре оробел и не сразу сообразил, что им ответить.

- Где я должен платить, – наконец ответил, придя в себя.

- В ратуше, как всегда, а сейчас с тебя штраф два франка, – таким же грозным голосом сказал тот же полисмен.

У Андре в кармане осталась лишь мелочь, на которую

можно было купить только одну спичку. Он сунул руку в карман и замер в недоумении, что ответить. В тишине вновь возникшей паузы послышался треск, быстро приближающейся мотоколяски. Она остановилась напротив экипажа полисменов, создавшаяся пробка не оказывала влияния на дорожную ситуацию, так как движение на таких улицах отсутствовало. Из прибывшего транспортного средства вышел человек в хорошем костюме и шляпе, сегодня у него в руках была трость, это тот господин, что вчера купил картину.

- В чём дело господа? – обратился он к полисменам, уверенно к ним приближаясь.

При виде солидного человека полицейский сменил тон на более мягкий:

- Этот молодой человек не платит за жильё и теперь ещё должен нам штраф.

- Сколько он должен вам? – без промедления спросил господин.

- Два франка, – выпалил полисмен.

Господин достал деньги и передал блюстителям закона:

- Надеюсь, теперь инцидент исчерпан, – добавил он.

В ответ полисмены козырнули и погрузившись в коляску убрались восвояси:

- Я собираюсь забрать у вас оставшиеся картины, – теперь этот любезный господин обратился к Андре.

Очнувшись от гипнотического взора полисменов, он протянул руку, указывая на входную дверь:

– Конечно, прошу вас, входите.

Уже зная куда идти, господин быстрым шагом прошёл в мастерскую. В этот раз он недолго осматривал оставшиеся три картины, попросив их связать, покупатель положил на стол ещё две монеты. И когда вязанка была готова, довольный взял в руки картины и кинул прощальный взгляд на Андре. Он в это время выкладывал из мешочка на стол купленные краски, заметив это, господин задержался, на его лице читалось удивление.

- Зачем вы купили краски? – полюбопытствовал он.

- Я тоже пишу картины, – скромно ответил Андре.

Господин сделал недоумевающее лицо:

- Неужели, и можно взглянуть?

- Они у вас в руках, – сердце молодого художника замерло в ожидании, что сейчас все картины вернут обратно.

Однако ещё больше его тревожил теперешний долг этому господину, потраченные деньги и штраф, который он оплатил уже не вернуть. Душа Андре опустилась в пятки, он безропотно ждал приговор. Господин молча опустил голову, его взгляд упал на вязанку картин, секунды молчания показались художнику целой вечностью.

Наконец покупатель поднял голову и уверенно сказал своё решение:

- Я и далее буду брать у вас картины в этом же жанре.

Глава 5.

Только утром другого дня, когда проснулся в мастерской, Андре почувствовал себя как прежде. Вчера испытал сильный внутренний страх, он даже не мог обрадоваться неожиданному решению господина и только сейчас сообразил, что возможно у него появился постоянный покупатель. Сейчас он сидел на той самой кушетке, на которой когда-то им позировала Софи. Солнечный луч, проникая через окно, отразился от серебряных монет, по-прежнему лежащих на столе, и ударил ему в лицо. Блеск монет напомнил ему, что надо идти в ратушу оплатить долг за жильё. Ещё на память пришёл совет господина, который купил картины, о том, что ему необходимо будет взять с собой свою метрику.

Мебели в доме было немного и не только от бедности прежнего хозяина, а скорее от того, что ему было плевать на условия быта. Соответственно всё, что представляло хоть какую-то ценность, хранилось в единственном шкафу, он стоял в комнате, которая являлась и кухней. Искать долго не пришлось, проверив все ящики, в одном из них Андре обнаружил старую книгу, где был записан умерший художник, ниже другим подчерком был записан и он. Здесь же лежала его детская метрика, взяв её в руки, он словно вернулся в детство. Сердце защемило, внутри прозвучал вопрос: «Живи ли мои родители и где сейчас братья и сёстры». Какое-то

время он молча смотрел на документ из далёкого прошлого, пытаясь вспомнить лица родных. Память выдала всё, что в ней сохранилось, отец был крупный мужчина широкие скулы лица, брови густые, глаза вспомнить не смог. Зато хорошо запомнил, как учил отец нарубить дрова, как разжечь огонь всё это он делал здесь много раз. Мать вспомнилась очень красивой, большая коса всегда улыбалась, очень любила его и часто играла с ним. Много деталей исчезло из памяти, сделать портрет не получится. Нахлынувшая ностальгия и печаль быстро отпустили, как только подумал: «Если Бог даст, и увижу их, обязательно нарисую». Уложив книгу в котомку и проверив наличие монет в кармане, Андре вышел на улицу. Петляя по узким улицам бедных кварталов, он вышел на широкую площадь, здесь он был один раз, может быть два и очень давно, когда прежний художник что-то там рисовал и брал его в помощь нести весь инвентарь. Казалось будто было всё это вчера и в то же время масштаб произошедших здесь изменений, сам за себя говорил, как много минуло дней с того времени.

«Что он тогда здесь мог рисовать», – задал себе вопрос.

Вспоминая площадь прошлого времени, он увидел лишь главный храм и много потных покрывшихся пылью рабочих. Тогда площадь только начинали обустроивать, особенно хорошо ему запомнились рабочие, которые трамбовали булыжник. Они поднимали высокое бревно за две полукруглые ручки и опускали его на камень, там, где они работали,

было пыльно и шумно. Повсюду были большие кучи камней, и ещё запомнился запах каши, возле храма готовили пищу и там же кормили. И вот когда Андре вступил на неё спустя несколько лет, увидел, какая стала она сейчас, в центре как высокая скала над ней возвышался главный церковный храм города. По правую и левую стороны располагались два больших здания с высокими окнами. Фасады красиво украшены по периметру крыши шпили и небольшие фигуры людей. Масштаб изменений за прошедшие годы его поразил. В одном из зданий, где находилась вся городская управа, Андре, пришлось долго бродить, его отправляли то в один конец длинного коридора то в другой. Наконец одна добродушная женщина проводила его до нужного кабинета. Внутри стоял запах чернилами и сургучом, за столами сидели чиновники. Он спросил самого ближнего, куда ему обратиться, тот отправил его к самому дальнему возле окна. Там оплатил налог, и сделали дополнительную запись в книге на дом.

Из здания вышел счастливый и обратно нищий, потому как в кармане ни осталось даже гроша. Он вдохнул полной грудью свежий воздух и осмотрел площадь от края до края. Казалось, здесь собрались все жители города, но им не было тесно, кроме беспорядочно двигающихся людей туда и сюда по брусчатке мчались экипажи. Там, где к площади примыкала широкая улица, было особенно многолюдно. Оттуда отправлялся старомодный трамвай, запряжённый парой лошадей, куда он увозил пассажиров, Андре не знал, город

сильно расширился и в некоторых местах он ещё не бывал. Осматривая кишашую людьми и транспортом площадь, он заметил перед собором человека с мольбертом.

«Кажется, он рисует», – с радостью и удивлением сказал для себя.

Предположение подтверждалось с каждым шагом, который приближал его к этому человеку. По внешнему виду, его нельзя было назвать богатым, но и на бедного он не был похож. Художник старательно переносил на полотно великолепный фасад здания, рядом прямо на брусчатке стояли несколько картин.

- Вы продаёте картины? – робко спросил Андре.

Художник взглянул на потенциального покупателя, поняв, что тот таковым не является, равнодушно ответил:

- Вас молодой человек, думаю это не должно волновать.

- Простите, я хотел лишь узнать покупают ли здесь картины? – исправился Андре.

Художник глубоко вздохнул и задумчиво произнёс:

- Если бы было так, – затем он вернулся к своей работе, словно не отвлекался.

Решив больше не докучать вопросами, Андре отправился домой. Неоптимистичный ответ художника не перекаррасил его настроение в чёрный цвет. В мастерской его ждали краски, холст и в душе было желание писать, которое подогревалось обещанием вчерашнего покупателя вновь прийти за картинами.

Уже представляя над чем сейчас будет работать, ноги несли его так быстро, что он даже не заметил, как оказался перед домом. За входной дверью для несведущего человека был суший кошмар, для него кажущийся внутренним бардак являлся творческим беспорядком. Он хорошо помнил где, что лежит и безошибочно нашёл последние наброски Софи, сделанные карандашом. Новый холст не был готов к работе, поэтому он решил использовать незаконченную картину, оставшуюся от прежнего художника. Выбрал наиболее понравившийся ему набросок и задумался глядя в окно над образом. Яркий солнечный свет, проникая в окно, заставляя прищуриться ослеплял глаза и зажмурившись, он попытался представить желаемое. Не заметив, как задремал, в неглубоком сне почувствовал, будто Софи в мастерской. Она подошла к окну и смотрела в него стоя в пол-оборота, в правой руке она держала большой бокал, левой поддерживала ткань, переброшенную через то же плечо. Кусок материи закрывал одну грудь и свисал узкой полоской до пола впереди между ног. Яркая ткань подчеркнула вторую, хорошо освещённую грудь и белоснежную кожу оголённого бедра.

Очнувшись от лёгкого сна так же неожиданно, как и погрузился в него, он сразу принялся за работу, которая так его увлекла, что не заметил, как наступила глубокая ночь. До полной готовности картины не хватало несколько штрихов. Он сел на кушетку и любуясь своим творением, погрузился в глубокий сон, повалившись на бок, проспал до утра. Утром

следующего дня его свежей взгляд одобрил шедевр, кисть последние несколько раз коснулась холста и находясь на волне куража Андре задумал еще одну картину. Сейчас у него появилось желание изобразить торговку на рынке, что хлеб продает, но, сколько он не пытался, не мог вспомнить некоторые детали её жизнерадостного лица. Проблема вопроса решилась быстро, взяв всё, что нужно для рисования он вышел из дома и направился к рыночной площади. Тёплый солнечный день добавлял настроение, Андре бодро шагал, но не привычной дорогой, а через кварталы простых работяг. Дорога, вымощенная булыжником, свернула в сторону порта. Здесь он увидел торгующих женщин, их небольшой стихийный рынок, если возможно его так назвать, выглядел очень жалко и был совсем не похож на тот, что на площади.

На фоне обветшалых в основном деревянных домов, женщины со своими детьми стояли по обочине дороги. Лохмотья, которые служили им одеждой, были немymi свидетелями, в каких условиях они живут. Немногочисленный товар, выложенный на продажу, лежал на дороге, это были различные овощи. Торговки проводили его печальным взглядом, понимая, что он для них не покупатель.

«Вряд-ли здесь я увижу то, что хотел», – от этого зрелища стало немного грустно.

Полуразрушенные дома вдоль дороги тянулись до самого порта и вывели на площадь перед пирсом. Там днём и ночью непрерывно шли погрузо-разгрузочные работы, а на

площади торгующий народ только начинал раскладывать товар на своих местах. Проходя мимо прилавков с бесконечным многообразием рыбы и отвратительным запахом, он обратил внимание на счастливую, так ему показалось молодую женщину.

Каждый раз, когда она подходила к телеге, с которой мужчина подавал ей ящики с рыбой, на её лице загоралась улыбка. Резким движением рук она поднимала ящик и несла на прилавок. Глаза блестели, будто омыты слезой, а яркий румянец на щеках делал её лицо ещё красочней. В солнечных лучах раннего утра она чем-то напомнила ему образ Софи (может быть была так же красива). Руки не ждали подсказки, что делать и вот карандаш уже быстро скользил по картону, оставляя штрихи наброска жизнерадостной девы. Закончив разгрузку, мужчина спрыгнул с телеги и быстрым движением рук развернул женщину к себе лицом. Прижавшись к нему грудями, всё лицо её вспыхнуло красным как щёки, чуть отклонив назад голову, она подставила губы, и мужчина подарил ей жаркий поцелуй. Андре торопился выполнить эскиз и едва успел запечатлеть их вместе. На обратном пути он всё думал о том, как заметно изменились моральные устои общества, даже в низших слоях населения теперь можно наблюдать более раскрепощённые сцены. Оказывается, замкнутая жизнь с художником скрывала от него не только изменение городского облика, но и образ жизни людей.

Глава 6.

Следующий день был особенно богат не только на плодотворную работу, но и на изменения в творческой жизни Андре, которые неожиданно подарит ему этот город, приняв участие в его судьбе. К вечеру результатом кропотливого труда стали осязаемые очертания задуманной картины. Жизнерадостная женщина в объятых своего мужчины получилась прекрасно. Однако художник остался недоволен. Фон рыночных прилавков на картине, казалось, не соответствовал жизнерадостной женщине, и обыденное платье простолюдинки оставило открытым лишь её руки. Он вновь вспомнил Софи, её красивую фигуру, нежное тело, закрыв глаза, попробовал представить её такой же жизнерадостной. Сожалея о том, что не может позволить себе натурщицу вдруг вспомнил о двух фигурах над дверью с названием «Сфинкс».

«Это лучше, чем ничего», – подумал и собираясь туда отправиться, взял котомку.

Лучи догорающего заката окрасили облака. В его ярко-розовом свете деревья и строения казались, ещё более живописны и приобрели дополнительный окрас. Понимая, что скоро стемнеет, Андре поспешил к намеченной цели. И когда он вышел из узких кварталов на нужную улицу, где никогда не был в вечернее время, увидел поразительный контраст городской жизни. Позади откуда он и пришёл, в тени

пустых улиц просматривались только мрачные силуэты тёмных домов, лишь кое-где небольшое окно освещал тусклый свет свечи. Зато впереди окна высоких зданий уже светились ярким светом, обозначая границы широкой и длинной улицы. «Как будто вышел из мрака в свет», – неожиданная фраза родилась у него в голове. В этой части города жизнь продолжалась, она приглашала всех принять участие в начинающемся ночном развлечении. Казалось будто количество машин и прохожих даже больше чем днём, но это не только казалось, а действительно было так. Люди, заполнившие улицу в это время, качественно отличались от дневной толпы. Дамы, выходящие из различных авто, блистали дорогими нарядами одна перед другой. Яркий свет многочисленных окон переливался мерцающими каплями на их платьях, когда они шли в сопровождении кавалеров. Мужчины более однообразны, строгий чёрный костюм белая рубашка такие же перчатки и шляпа цилиндр.

Малозаметная дневная жизнь существующих здесь заведений оживилась и походила на бурлящий муравейник. Шагая по оживлённой улице, он удивлённо глазел по сторонам, пока не упёрся в то место, к которому шёл. Двери перед носом Андре распахнулись, из массажного салона с названием «Сфинкс» вышло несколько солидных мужчин весело что-то обсуждающих. По их разговору художник понял, какого рода услуги там предлагают. Он отошёл на более почтенное расстояние и на картон легли первые линии обнажённых фи-

гур, что поддерживали карниз над дверью. Последние лучи заката освещали лишь облака на горизонте и фигуры теперь освещались из многочисленных окон. Свет с разных сторон сглаживал тени и придавал им более мягкие очертания. Выполняя эскиз, у него постепенно наступало прозрение, что обнажённые девы, поддерживающие карниз, не только служили как украшение, но и указывали мужчинам место, где есть наслаждение. Казалось, неподвижная фигура художника просто затерялась в общем потоке людей. Но всё же, несмотря на то, что вся разноликая масса просто не замечала его и обходили будто столб, Андре чувствовал себя неуютно и старался быстрее закончить работу. Раствориться среди беспорядочно двигающихся людей и остаться незамеченным ему не удалось. Один человек заметил, что он не просто стоит, а рисует. Господин проходил мимо него сзади и случайный взгляд на рисунок художника заставил его сделать шаг назад, он остановиться за спиной молодого человека. Андре заканчивал эскиз, делая последние штрихи. Господин молча стоял, взирая через плечо художника, как быстро скользит его карандаш, завершая эскиз. Качество рисунка даже заставило удивиться.

Почувствовав сзади чьё-то присутствие, Андре опустил руку с рисунком и развернулся, за спиной он пытался спрятать кусок картона. Слегка удивлённый взгляд господина дополнился вопросом: «Позвольте взглянуть», – спросил с переполняющим любопытством.

Быстрым движением он переложил трость в левую руку и протянул правую. Андре не хотелось расставаться со своим творением. Боязливо он смотрел то на мужчину, то на его руку, но опасаясь новых неприятностей, покорно протянул картон с готовым эскизом. Господин принялся внимательно рассматривать графический рисунок и в какой-то момент даже повернул его в сторону света, проникающего из окон. Переведя взгляд на художника, мужчина сразу спросил:

- А есть ли работы в красках?

Неожиданный вопрос застал Андре врасплох, он не готов был ответить. Запнувшись коротко лишь сказал:

- Да.

- Едем, – решительно сказал господин и вернул эскиз.

Он развернулся и направился в сторону откуда пришёл, сделав несколько шагов притормозил и оглянувшись увидел художника на том же месте. Андре не испугался, но что-то не позволяло ему сделать шаг:

- Чего стоишь, догоняй, – повторно пригласил мужчина.

Третий раз приглашать не пришлось, Андре бросился догонять впереди идущего господина. Через несколько десятков метров, на противоположной стороне дороги стоял роскошный автомобиль. Хозяин быстро занял место водителя и кивнув, пригласил художника на соседнее сиденье. Обходя транспортное средство на лице Андре появилась восхищённая улыбка, перед посадочным местом он остановился и окинул авто взглядом справа налево. Чувство восторга даже

заставило сделать глубокий вдох.

«Ну же смелей!» – подбодрил его господин.

Не зная за что ухватиться, он неуклюже вскарабкался на мягкое сиденье. Оказавшись внутри, может самой новой модели, Андре мгновенно забыл обо всём, он лишь с удивлением осматривал весь аппарат. Водитель сделал незаметное движение рукой и автомобиль, вздрогнув, зарычал.

- Говори куда едем, – стараясь перекричать мотор, сказал господин, вновь отрезвив художника.

- Туда, – сразу ответил он, указав на тёмную улицу.

Водитель вновь чего-то коснулся рукой и перед авто появился свет, затем ещё раз вздрогнув машина тронулась с места быстро набирая скорость. Луи любил быстро ездить он выжимал из машины всё, что она могла дать. Двигаясь на максимальной скорости по узким улицам, он не сбавлял скорость и на поворотах. Художника отбрасывало то в одну сторону то в другую, он двумя руками вцепился за ручку, торчащую перед ним. Андре получал непередаваемое ощущение, особенно когда въехали в тёмный квартал, фонари установленные впереди, освещали дорогу. Направление поворота в таких условиях было легко указывать. К дому художника они настолько быстро приехали, что он не успел привыкнуть к такому катанию. Автомобиль резко остановился, двигатель перестал рычать, свет тоже погас, но входную дверь дома художника в сумерках еще отчётливо было видно.

«Пойдёмте», – теперь Андре пригласил господина.

Открыв дверь, художник шагнул за порог, внутри было сильно темней чем на улице, только большое окно в мастерской помогало ориентироваться куда надо идти. Господин больше смотрел под ноги, осторожно вступая, он шёл за хозяином дома. Отыскав керосиновую лампу, Андре чиркнул спичкой, зажёл её и осветил помещение. В мастерской их ждали две картины, та, что с мужчиной и женщиной возле рынка, ещё не совсем готова, а вот обнажённая Софи возле окна предстала во всей красе. В тусклом свете лампы обе картины смотрелись даже лучше, чем днём, господин внимательно смотрел на них, не отрываясь. По всему было видно, что они ему нравятся, наконец, он повернулся к художнику.

- Луи, – и он протянул ему руку.

- Андре, – их руки сомкнулись.

- Завтра я вновь приеду, – с этими словами Луи удалился.

Глава 7.

Странный визит Луи не давал покоя художнику всю ночь. Обдумывая возможные варианты, он то засыпал, то просыпался, лишь с первыми лучами солнца, когда Андре осветил лицо прохладной водой, стал забывать о случившемся. Близился полдень, а Луи всё не появлялся. Художник работал, завершая начатую картину, он был так увлечён своим делом, что забыл о случившемся. С улицы слышался нарастающий шум движущегося авто по каменке и напомнил ему о вчерашнем, а когда Андре выглянул в окно машина уже остановилась возле его дома. Из неё вышел молодой мужчина примерно 30 лет, волосы гладко уложены, костюм тройка, это был Луи. В руках он держал свёрток внушительных размеров. Не успел художник выйти ему навстречу, как тот оказался уже в мастерской. Коротко деловым тоном он поприветствовал Андре и, положив на стол пакет, принялся его разворачивать. Внутри находилась книга довольно большая не только по размеру, но и по количеству страниц, на обложке крупно написано «КАМА СУТРА».

- Вчера я забыл спросить тебя, ты умеешь читать? – поинтересовался Луи.

- Да я обучен грамоте, – поспешил ответить Андре.

- Хорошо, тебе придётся её читать, в ней описывается 64 позиции соития, – Луи замолчал и посмотрел на художника.

- Тебе понятно, о чём я говорю, – чувствовалось, будто он засомневался.

- Догадываюсь, – Андре кивнул подтверждая.

Луи продолжал смотреть на него, не доверяя ответу:

- Женщина у тебя была? Как предмет наслаждения.

Смутившись, художник отрицательно покачал головой глядя в пол:

- М-да, – задумчиво произнёс Луи, – думаю, непросто тебе будет изобразить такие иллюстрации.

- В последней части есть графические миниатюры, но они схематичны и смотрятся плохо, – полистав книгу, он открыл нужную страницу, – вот посмотри.

На обеих страницах листа прорисованы контуры людей в одну линию. В мелких картинках были изображены несколько пар занимающихся сексом. Человечки не европейской наружности, и форма их тел выглядела неправильно. Тот, кто это создал, явно не преследовал цель придать рисункам художественную точность.

- Сам, наверное, знаешь, читать любят не все, да и не все умеют.

- Да, – сразу согласился Андре.

- А картинки видишь какие невнятные, изображены не все описанные позиции, поэтому придётся читать и разбираться как рисовать, – Луи с улыбкой взглянул на художника и хлопнув его по плечу добавил.

- Если в тексте что-нибудь не поймешь, будешь пробовать

на натуре, – при этом он весело хихикнул.

- Да, а с живой природы ты уже рисовал, – почему-то он надеялся, что вопрос не будет подтвержден.

В ответ Андре утвердительно кивнул и добавил:

- Но картин ни одной не осталось.

Услышав неожиданный ответ, Луи с удивлённой миной на лице почти крикнул:

- И ты её не имел?

Затем скрестив руки на груди, он смотрел на художника, поражаясь его стойкости, и покачивал головой. Андре только молчал и пожимал плечами, не находя ответа:

- Ну, ты парень даёшь, а в прочем это даже очень хорошо, – как бы задумавшись о чём-то, сказал Луи и тут же добавил, – у меня уже был неудачный опыт.

- Один художник так увлёкся практикой, что о работе совсем забыл, так что вся надежда теперь на тебя.

В завершение долгой и увлекательной беседы, Луи объяснил, в каком формате хочет видеть иллюстрации, прощаясь, пожелал Андре успеха и выдал ему аванс. Покидая дом, он выразил надежду увидеть первые работы в ближайшее время и пообещал регулярно его посещать.

Андре остался наедине с книгой, и даже не пересчитал, какую сумму он получил как аванс, лишь пристальным взглядом смотрел на обложку. Она была тёмно-коричневого цвета, текстура очень похожа на кожу. Каждый угол укреплён блестящим металлом, в середине на золотистом фоне

небольшие изображения мужчины и женщины тоже не европейцы, внизу крупными буквами «КАМА СУТРА». Понимая, что такая книга стоит огромных денег, которых у него нет, и вряд ли когда-нибудь будут, Андре даже боялся её открыть. Наконец первое чувство страха прошло, он отложил в сторону деньги и осторожно касаясь, открыл книгу, беглым взглядом осмотрел оглавление.

На первой странице под словом содержание было написано: Часть 1. В ней было несколько глав о бытии человека. Часть 2. Она была самая большая, взгляд уловил несколько глав: об объятиях, о поцелуях, о возлежании, о видах соития, о любовных ссорах. На этой главе взгляд его задержался, задал себе вопрос, что же там написали о ссорах и открыл нужную страницу. В коротком трактате описано историческое поведение женщины во время ссоры, которое продолжалось даже после того как мужчина начинает её успокаивать. Мужчине рекомендуют ублажать её ласковой речью, до полного успокоения и тогда она обнимает его. С интересом и внимательно прочитав, Андре понял, смысл учения заключался в том, что каждый мужчина, применяющий шестьдесят четыре средства успокоения, (описанные ниже) будет иметь успех у любой женщины. В голове не особо грамотного Андре появился вопрос: «Значит, книга учит не только как заниматься сексом».

Однако больше всего смущало, что он никогда не видел, как люди занимаются этим. И что бы сделать правдоподоб-

ный рисунок, как просит Луи, нужно видеть тела, когда они вместе. Вспоминая о пожелании заказчика увидеть первый результат в ближайшее время, изнутри, начинал точить червячок и желание отказаться. Но трезвый разум подсказывал по-другому, что нужно перебороть свой страх и искать возможность исполнить заказ. Как я справлюсь, с недоумением спрашивал художник себя, где я возьму натурщицу, в голове были только сомненья. И сам того не заметил, как память вернула в прошлое, он конечно же вспомнил Софи: «Да, с ней бы мне было гораздо проще».

Пребывая в противоречивом смятении Андре, взял эскиз обнаженных фигур, что сделал вчера в надежде хоть что-то представить. Вдруг решение взялось ниоткуда: «Я пойду в этот клуб и узнаю нельзя ли мне там подсмотреть». Показалось, что это выход из положения он улыбнулся и медленно повернулся к столу, где лежали ещё неподсчитанные деньги. И после того как их сосчитал, на его лице появилось удивление, такую сумму он ещё не держал в руках. Денежный стимул поднял настроение, решение было мгновенно и однозначно: «Иду», но засовывая деньги в карман, он замер, оглядывая свои лохмотья. Подумав, решение изменилось, взяв котомку, он вышел из дома и бодро зашагал к рыночной площади.

В жаркий летний полдень воздух уже сильно прогрелся, было приятно, когда на пути попадалось дерево, но в этой части города их было немного, а в центральном районе вооб-

ще не было. На рыночной площади желудок художника забурлил, как только нос уловил запах свежего хлеба, терпеть не было сил. Уже знакомую торговку было слышно издалека, пробираясь на голос между людей он безошибочно вышел к ней. Купленная буханка хлеба не хотела в котомку, Андре откусывал хрустящую корочку и оглядывался по сторонам в поисках, где продают одежду. Найти оказалось несложно, штаны и рубашки были подвешены высоко под самые навесы прилавков. В рядах, где все продавали одежду он выбрал себе не хоть что-то, а что-то получше. Хорошие штаны новая рубашка и жилетка уже не позволяли сказать, что он нищий. С покупкой повезло несказанно, мало того купил по дешёвке, да ещё и старую одежду из которой он вырос, взяли.

Обновлённый Андре смотрелся совсем по-другому, вот теперь можно было отправляться в бордель, что он и сделал. На улице развлечений жизнь кипела почти круглосуточно, но разница прошлого вечера и сейчас была на лицо, машин стало гораздо меньше, престижных авто совсем невидно. Куда-то пропали дамы в богатых платьях, мужчин в парадных костюмах почти не увидишь. Художник не спеша приближался к намеченной цели с названием «Сфинкс», в это время дня возле заведения было не многолюдно. Андре даже был этому рад, так он чувствовал себя более уверенно, не давая себе паузу на размышление, подошёл к двери и решительно потянул за ручку.

Внутри большого зала с высоким потолком он почувство-

вал приятную прохладу, которая успокоила его слегка взволнованное сердце. Богатая отделка, дополненная великолепными картинами обнажённых женщин, поражала своим превосходством. В середине сверкая позолоченной отделкой, стояла небольшая ладья, нос украшен фигурой девы как на древних кораблях, в ладье тоже сидела дева, только живая. Она откинулась на заднюю спинку сиденья, лямка майки с глубоким вырезом упала с плеча, грудь одна почти неприкрыта, а вот глаза оба закрыты. Девушка положила ногу на борт ладьи, подол юбки задрался выше колена, нагая ступня едва заметно покачивалась. Натура выглядела очень красиво, но художника не соблазнила и не смутила, он видел и не такое. А вот то, что девушка в дорогом убранстве, смотрелась гораздо живописней, чем в мастерской на кушетке это он для себя отметил. Хлопок двери после вошедшего посетителя пробудил красавицу в ладье, она вяло открыла глаза и сразу же улыбнулась.

- Что господин пожелает в столь раннее время? – ласковым голосом прозвучал от неё вопрос.

Вот сейчас художник немного смутился, обращение как к господину было ему непривычно. Оглядев вокруг пустой зал, он сделал к девушке шаг и тихо, будто старался, чтоб больше никто не услышал, спросил:

- Я хотел бы увидеть, как происходит между мужчиной и женщиной, – коряво выразившись, он заволновался сильнее.

Улыбка с лица девицы сошла, она громко позвала:

- Мадам Дориан.

Андре ещё больше заволновался и хотел уже сообщить, что у него есть деньги и он может заплатить. Из-за колонны обвитой золочёной лианой вышла дама средних лет в роскошном платье. Увидев незнакомого молодого человека, она приветливо улыбнулась, тем самым прогнала страх художника.

- В столь раннее время у нас будет новый клиент, – слова её звучали доброжелательно.

- По-моему он хочет в тайную комнату, – сказала девушка в ладье, обращаясь к хозяйке.

Мадам Дориан приподняла брови и добавила к приятной улыбке лёгкое удивление:

- Что ж многие с этого начинают.

Она подошла к художнику вплотную, и осторожно погладив его от плеча до локтя не громко сказала:

- Видите ли, мой друг. Днем мы работаем по-другому, у нас в основном выпивают, а вечером приходите. Я с удовольствием предоставлю вам эту услугу.

Андре понимающе кивнул и направился к выходу, мадам в след махнула ему рукой и добавила:

- Буду вас ждать.

Несмотря на то, что в борделе гораздо прохладнее, чем на улице, художник вышел оттуда весь потный и сразу же выдохнул облегчённо. Зато теперь он почувствовал себя легко и свободно, будто выполнил какую-то невероятно труд-

ную работу. С таким ощущением он весело шагал в неизвестном направлении, тихо посвистывая ритмичный мотив. Незаметно прошёл рабочий квартал и вышел в пригородную зону. Отсюда начиналась слободка, наставник любил рисовать здесь природу и часто Андре брал с собой. Слобода жила своей прежней жизнью, тут ничего не сменилось за много прошедших годов. И после шикарного зала с золочёной отделкой сейчас перед ним предстали деревянные избы, покрытые дранкой, контраст был такой словно чёрным по белому полотну. В душе не было зависти к золоту и сожаления к старым избам, он просто вдыхал свежий воздух и наслаждался действительно чудной природой.

Осматривая деревенский быт, лёгкий ветер донёс до него запах свежего сена, ноги сами пошли на запах, и он вдохнул полной грудью. Сразу, как только закончились жалкие домики, на широком лугу появились копны собранного сена, за последними копнами вдали блеснула река. Узнав это место, Андре улыбнулся, здесь когда-то купал его мастер. Всё ближе и ближе шёл он к реке, становилось чуть-чуть прохладней и пахло водой. В последней копне, что почти у реки художник решил отдохнуть. Достав не докушанный хлеб, он вкусил с наслаждением и сейчас был счастлив без меры. Его уединённую идиллию нарушил звонкий гогот и смех молодых девчонок. Выглянув из-за копны, он увидел, как несколько молодых девушек бегут по направлению к реке. Возле густого кустарника они дружно снимают платья,

бросив их на кусты, и нагишом побежали купаться, сверкая нежными попами. Речка здесь была мелкая, они стояли по колено в воде и плескали друг друга, столько натурщиц, да ещё на халяву, художник ни разу не видел. Андре забыл про свой полдник, рука потянулась к котомке, там есть карандаш и бумага. Скрываясь в ещё нескошенной траве, он подполз ближе. Девы были прекрасны словно русалки, кожа белая, груди размером с кулак и тугие как яблок, большой ореол вокруг сосков придавал им контраст. Рука художника судорожно дергалась, оставляя карандашом очертания обнажённых натур. Девушки подпрыгивали, толкались, падали, Андре спешно старался запечатлеть все фигуры, которые они создавали.

А сзади него осторожно вступая, подкрался крестьянин, в руке он держал длинный хлыст наготове. Неожиданно для художника его увлечённую работу прервал сильный удар по спине.

«Ай», – взревел от боли Андре.

И мгновенно развернувшись на спину, он увидел, как старый крестьянин вновь заносит над ним длинный хлыст. Художник мызнул у него под ногами словно ящерица, кнут опять просвистел, но удар пришёлся уже по траве. Пустившись наутёк, сзади он слышал визг напуганных девиц. Крестьянин пытался погнаться за ним, но где там, художник так ловко петлял между копнами, что непонятно было в какую сторону за ним бежать.

Глава 8.

Не помня, как он оказался дома, Андре снял одежду и осмотрел со спины, рубашка и жилетка не пострадали, облегчённо вздохнув, он сел на кушетку. Место, где кнут приложился к спине, ещё обжигало. И только сейчас он заметил, что хлеб и котомку оставил, но радость сильнее огорчения потому как набросок натуры был с ним. Не обращая внимания на боль в спине, художник принялся за работу, дабы завершить графический рисунок купающихся девушек. Прорисовывая каждый штрих девственно красивых тел, он произвольно сравнивал их с такой же прекрасной фигурой девушки в золочёной ладье.

Какой разный у них образ жизни, рассуждая, подумал он, и те и другие девушки одинаково хороши. Одной достаток и роскошь другим нищета и тяжёлый труд, вопрос, наверное, был преждевременный и слишком сложный, поэтому он ответ для себя не нашёл.

Тем временем в мастерской стало смеркаться, заметив это, Андре отложил работу и стал собираться, но куда положить всё что нужно, тут он вдруг вспомнил, у мастера сумка была. И точно в комнате скрывшись за шкафом, висела квадратная сумка с длинным ремнём. Вспомнил, как тяжело её было носить, когда ещё был мальчишкой, примерил, закинув ремень на плечо, теперь в самый раз. На улице догорал

закат, становилось темней и прохладней, зато дышать стало гораздо легче. Энергично шагая, Андре прошёл один поворот и вот уж второй впереди. Последний поворот выводит его к нужному месту, но уже сейчас он услышал звук вечерней жизни на улице развлечений. Вновь раздаётся знакомый ему шум моторов и дребезг колёс по булыжникам на мостовой. Последние несколько шагов и улица встретила его таким же ярким светом из всех окон как в прошлый раз. Беспорядочнодвигающаяся масса людей больше не пугала его, Андре даже почувствовал подъём настроения и понял, что ему начинает нравиться приходить сюда в это время. Теперь обилие света не удивляло его, а манило и приглашало вновь и вновь приходить сюда.

Трое мужчин, идущие навстречу художнику вошли в клуб «Сфинкс» прямо перед его носом, он последовал сразу за ними. Сильный запах табачного дыма сразу ударил в нос. В зале было много девиц и мужчин, они располагались по-разному. Те, что сидели за столиками пили алкоголь и беседовали с рядом сидящими девушками, а те, что сидели на мягких диванах держали девиц на коленях и тискали их везде. Девушки не скромничали и некоторые части тела у них были оголены. Незанятые девушки располагались ближе к входу, и вновь прибывшие посетители выбирали из них для себя забаву. В знакомой ему ладье, как и днем, сидела очередная путана, она всех встречала приятной улыбкой, Андре тоже в ответ улыбнулся и к ней подошёл. А так как в салоне было

довольно шумно, он наклонился ближе и громко спросил:

- Где мне найти мадам Дориан.

Девица, в нижнем красивом белье, вытянув руку ему подсказала:

- Там за колонной есть дверь, постучите.

Благодарно кивнув, художник отправился, как указали. Декоративная штора за колонной отделяла небольшое пространство, свет там был приглушённый, но дверь отчётливо выделялась, стукнув несколько раз, сразу услышал в ответ:

- Войдите.

Мадам развалившись, сидела в широком кресле в руке держала мундштук с папиросой, увидев знакомую личность, она улыбнулась:

- Мой юный друг, я рада, что вы пришли.

- Я хотел бы, – начал Андре.

- Помню-помню, – прервала его Дориан.

Она встала, не сводя глаз с художника, вышла из комнаты, он тоже за ней:

- В седьмом номере кто-нибудь есть, – спросила мадам у девушки в ладье.

- Только что Лола пошла туда.

- Вам повезло милый друг, ждать не придётся, – с улыбкой сказала хозяйка и поманила Андре за собою пальцем.

Возле её кабинета в тёмном углу винтовая лестница вела на второй этаж. Звонко цокая каблуками по металлическим ступеням, мадам поднялась и отдернула шторку, перед ними

открылся узкий маленький коридор с одной дверью:

- Прошу вас, – Дориан указала на неё художнику.

Андре шагнул в тёмный проход, открыв дверь, оказался в такой же маленькой и тёмной комнате.

Прямо перед ним на уровне глаз светились две круглые дырочки, он шагнул и наклонился к ним. В комнате, куда смотрел художник, хорошее освещение, представление уже началось. Но опоздавшим к началу, можно было не обижаться. Судя о том, как уже развивались события, начало интереса не представляло. Путана была в одежде, Андре сразу расстроился потому, что у многих в салоне хоть груди открыты, а тут она только сняла панталоны и лежала, раскинув ноги на широкой кровати. По выражению её лица предполагалось, что она просто ожидает финал. Мужчина, приспустив штаны до колена, лежал на ней и быстро двигал задом.

Недовольный художник бубнил, как это происходит, я догадывался, мне нужно видеть тела, в голове Андре бурлило негодование. Ждать было нечего, но на авось надеясь, он всё же решил досмотреть до конца эту пьесу. Получив удовольствие, мужчина свалился с партнёрши и перекатившись на спину, фыркал восстанавливая дыхание. Путана, не стала его ожидать, встала, оделась и вышла. Сплюнув, художник покинул комнату.

Внизу у резной колонны в ожидании Андре стояла мадам Дориан, она не спеша докуривала сигарету.

- Ну, вы удовлетворили свою потребность, – вежливо по-

интересовалась.

Не находя слов, художник начал смущённо:

- Понимаете, я рисую картины, мне нужно видеть тела, а они были в одежде.

Чувствуя себя неловко, он смотрел на мадам в надежде на понимание:

- Бог мой художник будет нас рисовать, – лицо мадам излучало восторг и удивление.

- Вообще нас часто посещают люди вашего круга, но все с другой целью, а вы хотите такое нарисовать.

Не дожидаясь ответа, она опять подошла к ладье, переговорив с девушкой, вернулась к Андре:

- Поднимайтесь обратно, только вам придётся чуть-чуть подождать.

Сделав шаг в сторону лестницы, художник задержался, он вспомнил, что в комнате слишком темно:

- Нельзя ли в комнате мне зажечь свечу? Иначе не будет видно, что я рисую.

Дориан зашла в кабинет и вернулась с горячей свечой на подсвечнике. Поблагодарив, Андре поспешил наверх. Работать при слабом свете свечи ему приходилось не раз, поэтому неудобства он не испытывал. А пока в комнате для посетителей никого не было, он приготовил всё необходимое. Старая сумка его наставника очень пришлась кстати, сейчас она послужит ему вместо мольберта. За стеной с дырками для глаз хлопнула дверь, хихикнув, в комнату вошла девушка и сразу

за ней мужчина, развернувшись к нему лицом, она стала растёгивать ему костюм и жилет. Аккуратно повесив одежду на вешалку, путана собиралась помочь мужчине с рубашкой, он берёт её за руки и останавливает, дальше раздевались самостоятельно. Бретельки платья у девушки были на бантах, она дёрнула их, и платье упало к её ногам, мужчина раздевался менее зрелищно. Этот процесс не привлекал Андре, он изредка бросал взгляд в прорези и продолжал готовиться к работе. Наконец послышался глухой звук шевеления на постели, художник прильнул к глазкам. Обнажённая девушка тянула руки, приглашая к себе мужчину. Сняв с себя последнее белье, он встал на кровать коленям, она, широко раскинув ноги, продолжала его манить. Мужчина продвинулся к ней вплотную и накрыл её телом, руки путаны обнимали его со спины, он поддерживал себя на локтях, ноги держал вместе. Художник работал быстро как маятник, часто глядел в глазки и на бумагу, делая штрих один за другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.